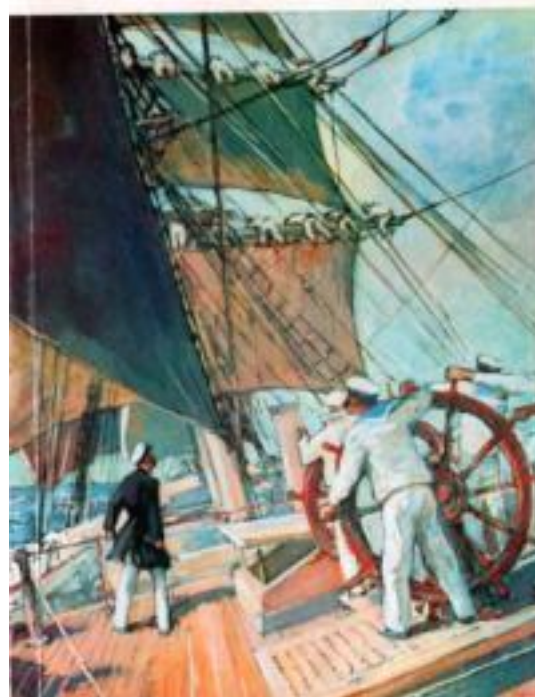

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Оборот

«Public Domain»

1899

Станюкович К. М.

Оборот / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1899 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Михайлович Станюкович

Оборот

Рассказ матроса (Из далекого прошлого)

Посвящается Д.А.Клеменцу

I

Был первый час жаркой ночи. Стоял мертвый штиль.

Имея курс на остров Яву, клипер «Нырок» шел полным ходом, по одиннадцати верст в час, с тихим гулом разрезая своим острым носом притихшую океанскую гладь и оставляя за круглой кормой след в виде широкой серебристой ленты, сверкавшей под светом полной луны.

Вокруг и на палубе царила тишина. Только мерно и однообразно постукивала машина да каждые полчаса раздавались на баке удары колокола, отбивавшие склянки. Разбившись маленькими белыми кучками по всей палубе, вахтенные матросы дремали, притулившись у бортов, у мачт и орудий. Некоторые вполголоса лясничали, коротая предстоящую вахту, – молодые матросы – сказками и свежими воспоминаниями о своих местах, а старые – рассказами о прежней службе и о капитанах и офицерах, основательно спускавших шкуры.

Темы эти были неистошими.

Весь в белом, с расстегнутым воротом ночной сорочки, молодой лейтенант, вступивший с полуночи на вахту, шагал взад и вперед по мостику, стараясь разгулять сон. Он остерегался прислониться к поручням, хорошо зная, что его немедленно охватит дрема, и, чего доброго, выйдет наверх капитан и увидит заснувшего вахтенного начальника – позор!

И при мысли о таком позоре лейтенант шагал решительнее, поглядывая сонными глазами на горизонт: не видать ли серого шквалистого облачка, или огоньков встречных судов, и по временам останавливаясь у компаса, чтобы взглянуть: по румбу ли правят рулевые.

Совершенно равнодушный к красоте этой волшебной южной ночи с томной луной и мириадами ярко мигавших звезд, лейтенант в эти минуты думал, что высшее на свете счастье: лечь в койку и заснуть.

Приблизительно о том же думал и старый боцман Данилов, бесшумно ступая своими большими, слегка искривленными босыми ногами по палубе от бугшприта до грот-мачты и обратно.

Уставший после дня обычной служебной суеты и осипший после неустанного сквернословия, он притих и, чуть слышно окликаая по временам часовых, смотревших вперед, прибавлял какое-нибудь короткое ругательное приветствие ленивым, сонным голосом, без малейшего одушевления, словно бы лишь по чувству долга и не желая обижать часовых.

Изредка он в качестве исправного вахтенного боцмана перегибался через борты, у крамбол, удостовериться – в исправности ли отличительные красный и зеленый огни, частенько подходил к кадке с водой, чтоб выкурить трубочку острой махорки, и стоял минуту-другую у кучки матросов, приютившейся у станка бомбического носового орудия. Стоял и слушал, что рассказывал Егор Дудкин, пожилой, коренастый матрос с волосатым лицом, основательный пьяница на берегу и любимый рассказчик на ночных вахтах.

– И откуда только у тебя, у трезвого дьявола, слова берутся!.. – не без зависти говорил боцман, у которого вместо слов «брались» только одни ругательства.

И не без сожаления, что обязанности вахтенного боцмана не позволяют ему слушать Дудкина, отходил и снова шагал по палубе, разгоняя сон приятными думами о том, что дня через два он покажет в Батавии, как напиваются порядочные боцмана.

II

– ...То-то я и обсказываю, братцы!.. Семнадцать лет околачиваюсь на флоте, всякого, можно сказать, боя видал, а таких оборотов, чтобы озверелый человек да вдруг по своей воле стал добер к нашему брату, не видал и от людей не слыхал... Никак это невозможно... Другие обороты видал! – значительно и не без иронии прибавил Дудкин, слегка повышая свой приятный, немного сипловатый, как у пьяниц, голос.

– Какие такие другие обороты? – спросил кто-то из слушателей.

– А такие, что поступит на корабль какой-нибудь первогодок мичман, ни усов, ни бакенбардов еще нет и звания, и не то что вдарить, а даже изругать по-настоящему стыдится и воротит морду, когда при нем полируют на баке матроса, а через месяц-другой, смотришь, уж в понятие вошел: лезет в зубы и поросенком визжит: запорю, мол! Потому стыдно ему от других отстать. Видит: прочие все мордобойничают, и он. Видит: прочие велят снять шкуру, и он. Вот, мол, какой я форменный стал флотский мичман. Живо в себе жалость покорила. Таких оборотов я много видал... И легкие они были... И только раз в жизни этот самый оборот трудный видел... На моих глазах он и вышел с одним мичманом... Я у его в вестовых служил... Душа его не принимала обороту... Ну да уж и добер был Леванид Николаич Кудрявцев и на чужую беду обидчист. Другого такого я после и не видал. Не вод был таким на флоте... Однако и он сдрейфил... И из-за этого самого и пропал. Из-за совести, значит... Не осилил... И прямо-таки довели его анафемы до потерянности...

Дудкин примолк и, залитый серебристым светом, строго глядел на усеянное звездами темно-синее небо, по-видимому не имея намерения продолжать.

Так прошла минута, другая.

– Кто довел, Иваныч? Ты расскажи про мичмана... уважь! – нетерпеливо и почти умоляюще прошептал самый внимательный слушатель, молодой, худощавый, чернявый и маленький матрос Снетков, земляк Дудкина, пользовавшийся его расположением и покровительством и всегда сопровождавший Дудкина на берег специально для того, чтобы удержать его от пропоя казенных вещей и в целости доставить на шлюпку.

На клипере так и звали его – нянькой Дудкина.

– Кто довел? – переспросил Дудкин. – Известно кто! Свои... офицеры! Прежде им воля была куражиться над матросами, не нынешняя... И у всех, значит, одно понятие было... И все смеялись над мичманом за то, что у него другое понятие... «Какой, мол, из тебя выйдет форменный офицер, ежели, говорят, ты не можешь отполировать матроса... Ты, говорят, не мичман, а вроде быдто пухливой бабы!» Каждый день, бывало, стыдили его в кают-компании. Покоя не давали, мордобой!

– А он что... молчал? – спросил Снетков.

– Небось не молчал... Обсказывал им, что матрос не животная. И животную надо, мол, жалеть, а человека и подавно. И закон-положенья, мол, нет такого, чтобы его запарывать... Бывало, горячится, весь дрожит, на глазах слезы, а они ровно жеребцы ржут... «Ты бы, говорят, вместо флотской службы в стракулисты вышел, а то в монахи!» И капитан устыживал – барышней звал... И старший офицер, бывало, ввернет ехидное слово – недаром его на фрегате аспидом звали. И раз запустил: «Наш мичман, говорит, зря мелет... форсит, мол... Дайте, говорит, сроку, и он в лучшем виде будет спускать шкуры». Однако мой мичман все свое. «Вы, говорит, как вгодно, я вам не указчик, но только я ни в жисть пороть людей не буду и извергом не сделаюсь... Я, говорит, присяги не давал палачом быть!» Сказал это и сам весь белый стал, и глаза, как у волчонка, так и горят... А старший офицер в злобу вошел, видит, что не переспоришь, так он начальником обернулся. «Вы, шипит, мичман Кудрявцев, забываетесь и не понимаете, что говорите. Мы не изверги и не утесняем матросов. Мы, говорит, их только учим

и наказываем, если они того стоят». Осадил, значит, моего Леванида Николаича при всех... А ему и конфузно... Он совсем еще вроде желторотого галчонка оказывал, двадцати годов не было полных. Всего второй месяц, что вышел в офицеры и поступил к нам на фрегат «Отважный». А я к нему назначен был вестовым – тоже молодой был матрос. И легко было с им. Простой. Никогда дурного слова не скажет. Завсегда, бывало, лясничал со мною, как с ровней, и никакой в ем гордости, даром что сам графского рода, но только лишенный звания из-за отца. Отца-то разжаловали из графов и решили всех имениев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.